

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.2>

Го Вэй

[Дзен-буддизм в романе "Священная книга оборотня" В. Пелевина](#)

Статья посвящена изучению дзен-буддизма в романе "Священная книга оборотня" В. Пелевина. Дзен-буддийская философия занимает особое место в его мировоззрении. Анализируются буддийские мотивы, проявившиеся в тематике и поэтике романа, показываются его источники в китайской литературе и культуре, демонстрируется зависимость интерпретации современной российской реальности Пелевиным от дзен-буддистских основ его мировоззрения. Автор отмечает, что в произведении ясно видно влияние на Пелевина восточной философской мысли, и это влияние предопределяет многие черты его повествования и саму его писательскую стратегию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/2.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 8-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Основным художественным средством выражения является ритм. Кроме того, ритм является и самостоятельной составляющей поэтики не только этого произведения, но и большинства других в творчестве И. А. Гончарова. Разнообразие ритмообразующих принципов достигается тем, что даже в пределах небольшого текстового фрагмента (это может быть и небольшое предложение) писатель использует множество художественных приемов: синтаксический параллелизм; лексико-грамматические, звуковые повторы; семантические вариации. Обнаруживается и хиазм: если судить по частотности, с которой И. А. Гончаров употребляет эту фигуру речи в своих произведениях, то она является весьма характерной для ритмической поэтики многих произведений писателя, в том числе и романов. Кроме того, весьма редко, но все же прослеживаются и стихообразующие приемы: тавтологическая рифма-эпифора; стык. Уникальность хронотопа состоит в том, что в первой части очерка соблюдается классицистическое правило трех «единств»: единства времени (описываемое время не превышает 24 часов), единства действия (участвует небольшое количество персонажей), единства места (все изображаемое происходит в пределах одного дома или так или иначе связано с ним).

Список источников

1. Багаутдинова Г. Г. Прозаическая строфа как ритмообразующее средство в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» И. А. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 12-15.
2. Багаутдинова Г. Г. Ритмообразующие принципы в «Слугах старого века» И. А. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 12-15.
3. Багаутдинова Г. Г. Ритмообразующие принципы создания портретов персонажей в «Литературном вечере» И. А. Гончарова // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 12. № 4 (32). С. 125-130.
4. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 367 с.
5. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 7. 462 с.
6. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 103-115.
7. Иванова-Лукьянова Г. Н. Ритм прозы от Карамзина до Чехова. М.: Флинта, 2019. 336 с.
8. Пырков И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов). Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. 392 с.
9. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л.: Наука, 1974. 299 с.

Artistic Time, Space and Rhythm in I. A. Goncharov's Essay "The Month of May in Petersburg"

Bagautdinova Gul'zada Gadul'yanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mari State University, Yoshkar-Ola
gbagautdinova@yandex.ru

The article considers a poorly investigated problem of modern Goncharov studies – spatial-temporal and rhythmic arrangement of I. A. Goncharov's essay "The Month of May in Petersburg". Peculiarities of chronotope and rhythm in the first part of the essay are analysed. The conducted research allows identifying the basic artistic means that contribute to revealing specificity of chronotope and rhythm. The paper argues that in this essay, rhythm is not only a means of expressing chronotope but an autonomous artistic technique. The researcher concludes that this problem is poorly investigated and requires further study.

Key words and phrases: I. A. Goncharov; late essay creative work; chronotope; Petersburg house; everyday time; social time; "three unities" rule; rhythm.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 19.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.2>

Статья посвящена изучению дзен-буддизма в романе «Священная книга оборотня» В. Пелевина. Дзен-буддийская философия занимает особое место в его мировоззрении. Анализируются буддийские мотивы, проявившиеся в тематике и поэтике романа, показываются его источники в китайской литературе и культуре, демонстрируется зависимость интерпретации современной российской реальности Пелевиным от дзен-буддистских основ его мировоззрения. Автором отмечается, что в произведении ясно видно влияние на Пелевина восточной философской мысли, и это влияние предопределяет многие черты его повествования и саму его писательскую стратегию.

Ключевые слова и фразы: В. Пелевин; «Священная книга оборотня»; буддизм; пустота; философия.

Го Вэй

Линьский университет, Китайская Народная Республика
fantasy0224@163.com

Дзен-буддизм в романе «Священная книга оборотня» В. Пелевина

Интерес Виктора Пелевина к дзен-буддийской философии хорошо известен: в сатирических произведениях писателя именно буддизм часто представляет позитивный полюс системы ценностей, учение, которое дает людям духовный выход из наваждения бытия. Для того чтобы лучше понимать творчество Пелевина, необходим

в первую очередь реальный и интертекстуальный комментарий: его произведения должны быть прочитаны в соотношении с классическими буддийскими трактатами, что определяет **актуальность** нашего исследования.

Научная новизна настоящей статьи заключается в том, что в ходе анализа обнаружено множество скрытых и явных цитат и реминисценций, которые помогают лучше понимать тексты Пелевина. **Целью** исследования является изучение связи романа «Священная книга оборотня» с китайской философией. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) проанализировать источники романа «Священная книга оборотня», раскрыть его образное содержание и семантику, возникающую в диалоге с китайской культурой; 2) изучить понятие «пустота» в произведении Пелевина.

Как известно, Пелевин называет себя практикующим буддистом, интересуется восточной мифологией, китайской литературой и философией. Как полагают критики, «его книги могут вписываться в традицию мистической литературы» даже в большей степени, чем в традиции фантастики или сатиры [9]. Творчество Пелевина – это редкий в современной мировой словесности пример сочетания социального, философского и мистического начал. На формирование мировоззрения Пелевина большое влияние оказала философия дзен-буддизма. Станислав Гурин отмечает, что «в его текстах происходит смешение концепций и методов из нескольких направлений буддизма – тибетского и дзэн-буддизма» [2]. Сам автор однажды заметил, что стал интересоваться буддизмом и другими религиями еще ребенком [8]. По свидетельству одного из друзей юности писателя, молодой Пелевин «ходил с сумкой через плечо. В сумке была нелегальная литература: книги по дзен-буддизму» [13]. Этот интерес к восточной (по преимуществу японской) философии и литературе замечен уже в романе «Чапаев и Пустота». А. Генис в работе «Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин» указывает, что «Чапаев и Пустота» имеет дзен-буддийскую окраску. По мнению критика, Пелевин в романе превратил фольклорные фигуры – Василия Ивановича, Петьку, Анку и Котовского в персонажей притчи [1, с. 92]. В написанных позднее работах Генис подтверждает свое мнение и называет роман «Чапаев и Пустота» первым русским дзэн-буддистским романом. По словам М. Кожевниковой, «буддизм – это самое главное в романе» [7, с. 78].

«Священная книга оборотня», на наш взгляд, по жанровой природе близка к дзен-буддистской притче. Дзен-буддизм возник в Индии, и до проникновения в Китай его традиции передавались индийскими монахами на протяжении 28 поколений, начиная с древних патриархов Махакашьяпы до Бодхидхармы. После перехода учения к Бодхидхарме, как считается в буддизме, произошел «поворот на восток». Бодхидхарма отправился в Китай, и старая традиция расцвела на новой культурной почве.

Для понимания особенностей использования буддийских идей Пелевиным нужно принять во внимание некоторые элементы сходства буддизма и постмодернизма. Некоторые понятия доктрины дзен-буддизма, такие как мысль об отсутствии безусловного авторитета у слов и письменных знаков, имеют некоторое сходство с западным антиэссенциализмом, антифундаментализмом и антицентризмом, которые, в свою очередь, составляют основу постмодернистского мировидения. Как указывает литературный критик Д. Шаманский, «почти все критики Пелевина (и союзники, и противники) соглашаются в том, что пелевинская философия целиком и полностью заимствована из дзен-буддизма» [15, с. 62]. Такая точка зрения кажется нам слишком радикальной, однако из текстов Пелевина хорошо видно, что дзен-буддийская философия в сочетании с указанными постмодернистскими чертами определяет тематику и поэтику Пелевина. Попробуем показать это на материале романа «Священная книга оборотня» (2004).

Главная героиня этого романа, лиса-оборотень А Хули, – ученица монаха по прозвищу Желтый Господин, монастырь которого расположен в Желтых горах. Лиса училась у него больше тысячи лет назад, и их первое знакомство произошло, когда она услышала мелодию флейты. Пытаясь найти того, кто играет на флейте, она пришла в монастырь. «Монастырь состоял из множества построек, которые теснились возле главных ворот, огромных, красивых и очень дорогих» [11, с. 335]. По всей видимости, в тексте Пелевина описывается не конкретное место, а некий усредненный, типичный китайский буддийский монастырь. Архитектурные особенности древних китайских храмов были обусловлены строгими деталями буддийских обрядов, а не эстетическими взглядами и замыслами их создателей. В описании упоминаются храмовые ворота, однако, если говорить точнее, в китайских буддийских храмах обычно бывает по три пары ворот, каждая из которых имеет свое название: «дверь пустоты», «дверь без знаков» и «дверь отсутствия желаний». «Дверь пустоты» находится посередине, слева – «дверь без знаков», а «дверь отсутствия желаний» расположена справа.

Название «дверь пустоты» указывает на то, что мир, согласно буддийским концепциям, представляет собой пустоту. Пустота – это не небытие, эта концепция имеет этическое содержание: ни в чем в мире нет закона и поэтому надо учиться следовать своему сердцу, не принуждая его ни к чему и не сдерживая искренних желаний [16, с. 1257]. Настоятель буддийского монастыря пользуется правом ежедневного прохода через среднюю дверь. Поэтому в буддийской культуре принятие монашества образно выражается идиомой «войти в дверь пустоты». За названием другого входа – «дверь без знаков» – стоит догмат о том, что сердце не должно привязываться к материи и доступным человеческому взгляду явлениям, а также к звукам, ароматам, вкусам и прикосновениям. Сердце не должно быть связано какими-либо законами, проповедями, идеями, обычаями или привычками. В «Алмазной сутре» сказано: «Когда есть образ, то есть и заблуждение. Если же смотреть на это с точки зрения образа, который не есть образ, то тогда и распознаешь Так Приходящего» [6, с. 40]. Третий вход – «дверь отсутствия желаний» – напоминает буддистам о том, что у человека не должно быть никаких желаний и стремлений. Эти три двери в храме соответствуют трем духовным дверям, ведущим к Освобождению, о которых часто говорится в буддийских трактатах. Далее в романе говорится, что «ворота символизируют путь, который ведет туда, откуда начинается, а начинается он в любой точке» [11, с. 336].

Во время своей первой встречи с лисой А Хули монах демонстрирует ей содержание «Сутры Сердца» («Сутра Сердца» – полное название «Праджняпарамита хридая сутра», это общая схема учения буддизма Махаяны).

Но лиса уже давно знакома с истинами буддизма и называет монаху главную из них: «Жизнь есть дукха, томление и боль» [Там же, с. 145]. А когда Желтый Господин спрашивает ее, читала ли она «Сутру Сердца», героиня произнесла в ответ лишь одну фразу из этой сутры: «Форма есть пустота, а пустота есть форма» [Там же, с. 340].

Следующий эпизод – Желтый Господин рассказывает А Хули о тайном учении для бессмертных лис, указывая: «Заблуждающийся ум может попасть в мир богов, мир демонов, мир людей, мир животных, мир голодных духов и ад» [Там же, с. 348]. Здесь речь идет о «шести сансарах» в буддизме. В изначальном буддизме было только пять сансар (мир богов, мир людей, мир животных, мир голодных духов и ад), однако китайские буддисты добавили к ним «мир демонов». Понятие о сансаре, также называемой кругом жизненных перевоплощений, означает, что после смерти человека его душа воплощается в другом человеке, и таким образом происходит «вращение», как будто душа попала в колесо. Желтый Господин в романе говорит, что «спасение в каждом мире разное» [Там же, с. 349], что означает, что у каждого мира есть свой путь спасения, но оборотень «не относится ни к одному из миров, поскольку перемещается между всеми тремя – миром людей, животных и демонов» [Там же]. Главная героиня не согласна со своей сестрой И Хули, полагающей, что абсолютно все попадут в ад, А Хули верит в карму и «колесо взаимозависимого происхождения», поэтому ее печалит то, что она не принадлежит ни к одному из миров. Но Желтый Господин рассказал ей о выходе, при котором она может не только спасти саму себя, «но и показать путь к освобождению всем живущим на земле оборотням» [Там же, с. 350]. В этих словах можно увидеть нечто общее с взглядами, высказанными героем другого романа Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996). Несмотря на то, что Внутренняя Монголия – это реально существующая провинция Китая, герой, известный как Черный Барон, говорит Петру Пустоте, что во Внутренней Монголии «нет ничего, что существовало бы, что называется, на самом деле» [12, с. 292], то есть речь идет вовсе не о реальной географической области, а о состоянии духа. Как и Пустота, который не сразу понял, что такое Внутренняя Монголия, А Хули также не сразу поняла значение Радужного Потока.

Радужный Поток, указывает учитель, – это «конечная цель сверхоборотня». На вопрос лисы, кто такой сверхоборотень, Желтый Господин отвечает уклончиво: «Внешне он такой же, как другие оборотни, а внутренне отличается. Но остальные никак не могут об этом догадаться по его внешнему виду» [11, с. 348]. А на вопрос, что такое Радужный Поток, следует ответ: «Природа Радужного Потока такова, что любые описания только помешают, создав о нем ложное представление. О нем нельзя сказать ничего достоверного, там можно только быть» [Там же, с. 349]. Эти рассуждения героев перекликаются с дзен-буддистской мыслью об отсутствии безусловного авторитета слов и письменных знаков. Китайские дзен-буддисты считают, что учение не может передаваться с помощью языка, и вообще не высоко ценят создание книг. Когда буддист познает истину, он полагается не на слова и сутры, а только на то, что наставник и ученик, понимая друг друга без слов, могут постичь сердцем. Поэтому, как правило, догмат об отсутствии безусловного авторитета слов и письменных знаков считается одной из конституирующих характеристик дзен-буддизма, традиция которого заключается в прямой передаче учения «от сердца к сердцу».

Судя по «Алмазной сутре», истина, выраженная языком, может быть искажена, так как Будда сказал своему ученику Субхути: «Проповедующий Дхарму не имеет Дхармы, которую можно было бы проповедовать. Это и именуется проповедью Дхармы» [6, с. 60]. Эти слова Будды могут быть поняты и в постмодернистском ключе: с помощью языка мы не можем мыслить свободно. То, что мы используем язык, неверно – напротив, это язык контролирует нас. Все знания – это фантазии. Когда люди дают чему-либо свое наименование, они утрачивают эту вещь. Будда предупредил Махамати в «Ланкаватара-сутре»: «Не следует привязываться к сказанному, ибо истинный смысл пребывает вне слов-знаков» [10] (согласно «Ланкаватара-сутре», однажды на Ланке, на вершине горы Малайя, собрались Будда со многими бхикшу и бодхисаттвами, среди которых наиболее почетное место занимал бодхисаттва Махамати). Язык используется только как экран для показа правды, истинный же смысл состоит в том, что его мысли нельзя выразить словами. Поэтому буддизм утверждает, что надо стремиться к истинному значению, а не к слову как таковому.

Для понимания «Священной книги оборотня» важны определенные точки схождения между эстетиками китайского дзен-буддизма и европейского постструктурализма, который также выступает за устранение языковых барьеров. С точки зрения одного из основателей постмодернистской философии Жака Деррида, язык несовместим с мышлением, что и выражает метод «деконструкции», позволивший подорвать незыблемость концепции структурализма и разрушить весь «логоцентрический» мир прежней философии. Постструктурализм полагает, что семантика никогда не может быть согласована с самой собой. Любое значение есть результат процесса дифференциации (*différance*), то есть знаки представляют самих себя лишь постольку, поскольку они не являются другими знаками. Смысл – это всегда нечто условное, отложенное, то, что должно вот-вот появиться [6, с. 161]. Сравним это со словами Желтого Господина в романе «Священная книга оборотня»: «Чем выше учение, тем меньше слов, на которые оно опирается. Слова подобны якорям – кажется, что они позволяют надежно укрепиться в истине, но на деле они лишь держат ум в плену. Поэтому самые совершенные учения обходятся без слов и знаков» [11, с. 353]. Однако это сходство не следует преувеличивать: буддизм отличается от деконструкции уверенностью в возможности обретения истины, хотя эта истина и носит характер пустоты. В конечном итоге у дзен-буддизма есть только одна цель – узнать, как избавиться от огорчений и достичь свободы и освобождения. Дзен-буддийские этические установки и догматы о «познании истины сердцем», о том, что «все разумное есть порождение Будды», об «отсутствии безусловного авторитета слов и письменных знаков» направлены на поиск смысла и конечной цели жизни. Поэтому дзен-буддийская эстетика с большей вероятностью, чем постструктурализм, может найти отклик в обществе и стать точкой опоры, духовным домом для человечества.

После того как Желтый Господин рассказал А Хули о Радужном Потоке и о том, что она сверхоборотень, лиса начала подозревать, что она обладает «высшими способностями». Для того чтобы лиса поверила в свои

возможности, Желтый Господин говорит ей, что, поскольку она услышала флейту и выслушала урок наставника, она уже «получила передачу». Какое значение в процессе трансляции истины играет флейта? Когда речь заходит о звуке флейты, у знатока восточной философии неизбежно возникают ассоциации с коаном (кит.: 公案. Коан – пример слов и дел предшественников дзен-буддизма или используемая в дзен-буддизме иррациональная загадка, которую невозможно разрешить логическим путем), в котором излагается происхождение дзен-буддизма. Однажды Будда молча поднял в руке цветок. Люди ничего не поняли. Только Махакашьяпа, один из великих учеников Будды, постиг смысл деяния и улыбнулся. Поэтому Будда передал сокровище видения совершенной Дхармы Махакашьяпе [17, с. 13]. Так как А Хули и Желтый Господин поняли друг друга без слов, монах передал ей учение о Радужном Поточе. Но он не уточнил, в чем суть этого учения, и, несмотря на то, что лисе-оборотню все-таки удалось его постичь, «она не оставила после себя указаний для других оборотней» [11, с. 352].

Как упоминалось выше, при своей первой встрече Желтый Господин и А Хули говорили о «Сутре сердца». «Сутра сердца» – одна из наиболее почитаемых и священных сутр дзен-буддизма (наиболее известными каноническими текстами дзен-буддизма считаются «Сутра сердца», «Алмазная сутра», «Сутра совершенного просветления», «Ланкаватара-сутра», «Сурангама-сутра», «Вималакирти-сутра» и «Алтарная сутра Шестого патриарха»), в которой рассматривается вопрос о «самадхи», то есть о созерцании. С этого начинается сутра:

Бодхисаттва Авалокитешвара во время осуществления глубокой праджня-парамиты ясно увидел, что все пять скандх пусты. Тогда он избавился от всех страданий, перейдя на другой берег [6, с. 31].

Благодаря высшей мудрости мы можем достичь нирваны, и способ ее достижения – практикуемая буддистами медитация (праджня-парамита). Именно в медитации ум оказывается очищен, а разум – не рассеян. Только так можно по-настоящему достичь цели раскрытия мудрости. В идее ограничения своего собственного поведения и собственных мыслей последнее является главным, так как именно мысль определяет поведение. Поэтому, не преуменьшая значимости остальных сторон троякого учения, можно сказать, что центральная идея буддизма заключается в медитации. Этим объясняется то, что Желтый Господин напоминает А Хули, чтобы она сдерживала свои мысли, прислушивалась к своему внутреннему голосу и осознавала прозрение, как ее предшественница. Истинная мудрость может быть достигнута, только когда мысли и действия объединены в единый процесс.

Когда Желтый Господин говорит А Хули о ее предшественнице, которой удалось войти в Радужный Поток, остается неясным, погружалась ли эта предшественница в созерцание или нет, хотя наставник замечает, что та «жила в одной горной деревушке, практиковала крайнюю аскезу и совсем отказалась от общения с людьми» [11, с. 354]. В то же время Желтый Господин напоминает А Хули о необходимости сдерживать свои мысли, прислушиваться к своему внутреннему голосу, чтобы осознать прозрение и, как ее предшественница, однажды просто исчезнуть, войдя в Радужный Поток. Прочитав роман, читатель узнает, что именно это и совершила А Хули. Упоминается, что она много раз «сидела в позе лотоса» и «уходила в глубокое сосредоточение» [Там же, с. 366]. Именно благодаря этому А Хули и смогла войти в Радужный Поток (именно с этого начинается роман).

Буддийская философия Пелевина может быть по большому счету сведена к одному высказыванию: «Мир – только мое впечатление». Когда А Хули входит в Радужный Поток, она произносит: «Перестану создавать этот мир» [Там же, с. 382]. Дзен-буддизм подчеркивает иррациональную и подсознательную природу духовной деятельности человека, утверждая тем самым, что реальный мир иллюзорен; слова из «Алмазной сутры» о восприятии действительности («Как на сновидение, иллюзию, как на отражение и пузырь на воде, как на росу и молнию – так следует смотреть на все деятельные дхармы [6, с. 66]») понимаются в дзен-буддизме буквально – как призыв к отрицанию существования людей и даже реальности как таковой.

Согласно дзен-буддийской философии, все реальности содержатся в «пустоте»: «...безграничная Пустота Вселенной способна вместить бесчисленное количество предметов разного образа и формы» [14, с. 25]. «Пустота» – это «ничто», однако понимание этого «ничто» на Востоке не имеет ничего общего с европейскими концепциями бытия и небытия. Восточное понимание «пустоты», в сущности, очень похоже на предлагаемое Деррида «вычеркивание понятий» [4, с. 187], когда «отсутствие» предстает как один из способов существования [3, с. 178]. Сравним с этим следующее предложение из «Алтарной сутры Шестого патриарха»:

Если мы будем созерцать свой ум настоящей Праджней, все ошибочные взгляды исчезнут в одно мгновение, и как только мы познаем Самоприроду, мы тотчас достигнем состояния Будды [14, с. 29].

Можно предположить, что А Хули вошла в другой мир посредством медитации и реальный мир для нее исчез. В этом отношении ей противостоит другой герой – Саша Серый, который не понимает, как можно избавиться от проблемы существования. Он не смог ни стать сверхоборотнем и войти в Радужный Поток, ни окончательно превратиться в человека и потому оказался лишен идентичности и потерян в этом мире. Как и Чапаев из романа «Чапаев и Пустота», неоднократно подчеркивавший, что ничего не существует, А Хули тоже утверждает, что «этот мир исчезнет» [11, с. 382]. Она много раз медитировала, чтобы противостоять наплыву сознания, научилась чувствовать чистый мир и возвращаться туда, куда ей следовало идти.

Подводя итог, отметим, что дзен-буддизм в произведениях Пелевина – это в первую очередь духовная практика примирения человеческих сердец и умов и в то же время способ понимания истины, способ мышления. Подобно Петру Пустоте, вошедшему в реку Урал, героиня «Священной книги оборотня» также входит в пространство «никуда», в счастливый мир «нирваны», осуществляя буддийский идеал. Все вышесказанное доказывает, что адекватное прочтение произведений Виктора Пелевина невозможно без понимания образов и мотивов, входящих к буддийской философии. Как истинный буддист, Пелевин ценит самоуглубленность и спокойствие и рассматривает «пустоту» как первоэлемент мироздания. В то же время, заимствуя из буддизма свои основные

идеи, он ставит их на службу историософии, пытаясь с их помощью осмыслить особый «евразийский» культурный статус России, находящейся на путях столкновения, борьбы и интеграции западных и восточных культур.

Список источников

1. Генис А. Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин // Звезда. 1997. № 12.
2. Гурин С. Пелевин между буддизмом и христианством [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/ogurip/1.html> (дата обращения: 07.02.2020).
3. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с франц. С. Г. Калининой, Н. В. Сулова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
5. Иглтон Т. Теория литературы. Введение / под ред. М. Маяцкого, Д. Субботина; пер. с англ. Е. Бучкиной. М.: Территория будущего, 2010. 291 с.
6. Избранные сутры китайского буддизма / пер. с кит. Д. В. Поповцева и др.; отв. ред., предисл. Е. А. Торчинов. СПб.: Наука, 1999. 464 с.
7. Кожевникова М. Буддизм в зеркале современной культуры: освоение или при-своение? // Буддизм России. 1997. № 27.
8. Кропьявьянский Л. Интервью с Виктором Пелевиным [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-bomb/1.html> (дата обращения: 07.02.2020).
9. Кузнецов С. Виктор Пелевин: Тот, кто управляет этим миром [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-kuzp/1.html> (дата обращения: 07.02.2020).
10. Ланкаватара-сутра, или Сутра явления [Благого Закона] на Ланке [Электронный ресурс]. URL: http://www.daolao.ru/Lankavatara/lanka_full/lanka06.htm (дата обращения: 07.02.2020).
11. Пелевин В. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М.: Эксмо, 2015. Т. 8. Священная книга оборотня. 384 с.
12. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 2004. 414 с.
13. Полотовский С. А., Козак Р. В. Пелевин и поколение пустоты. М.: МИФ, 2012. 228 с.
14. Хуэйэн. Алтарная сутра Шестого патриарха / пер. с кит. А. В. Волкотрубова. Чита: Экспресс-издательство, 2004. 128 с.
15. Шаманский Д. Пустота: снова о Викторе Пелевине // Мир русского слова. 2001. № 3. С. 59-65.
16. 丁福保. 佛学大辞典. 上海书店出版社, 2015年. 1350 页 (Дин Фубао. Большой словарь буддизма. Шанхай, 2015. 1350 с.).
17. 普济. 五灯会元. 海南出版社, 2011年. 1862 页 (Пуцзи. История дзен-буддизма в Китае времен династии Сун. Хайнань, 2011. 1862 с.).

Zen Buddhism in the Novel “The Sacred Book of the Werewolf” by V. Pelevin

Guo Wei

Linyi University, the People's Republic of China
fantasy0224@163.com

The article examines the role of Zen Buddhism in V. Pelevin's novel “The Sacred Book of the Werewolf”. Zen Buddhist philosophy occupies a special place in his worldview. The paper analyses Buddhist motives represented in the novel's poetics and themes, traces interrelations with the Chinese literature and culture, shows how Pelevin's Zen Buddhist worldview influenced his interpretation of the modern Russian reality. The researcher points out that the novel is visibly influenced by the Eastern philosophical thought, and this influence largely determines the writer's narrative strategy.

Key words and phrases: V. Pelevin; “The Sacred Book of the Werewolf”; Buddhism; emptiness; philosophy.

УДК 82-31

Дата поступления рукописи: 04.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.3>

Статья посвящена анализу мотива искушения в романах Л. М. Леонова «Вор», «Соть», «Дорога на Океан». В леоноведении данный мотив остается малоизученным (есть исследования мотива только в итоговом романе мастера «Пирамида»), но очевидно, что для писателя он имеет художественное значение – к нему он обращался на протяжении всего творчества. Нами установлено, что мотив искушения у Леонова генетически восходит к текстам Священного Писания и фольклору и дополняется либо социально-бытовым прочтением (романы «Вор», «Пирамида»), либо прогностическим: подверженность героев искушению свидетельствует не только об их духовном падении, но и гуманистическом пафосе произведения.

Ключевые слова и фразы: Л. М. Леонов; мотив искушения; образ запретного плода; испытание веры; библейский сюжет; система персонажей.

Задорина Алена Олеговна, к. филол. н.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
amaltea-20x@yandex.ru

Мотив искушения в романистике Л. М. Леонова

Творчество Леонида Максимовича Леонова, охватывающее большую часть XX века, все настойчивее привлекает внимание современных исследователей, изучаются всевозможные мотивы и их взаимодействие.